

Юки Аме

Два
быстрых
стука

12+

Юки Аме

Два быстрых стука

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41858774

SelfPub; 2019

Аннотация

История встречи человека, отказавшегося от себя, и одной лин'еры, имеющей крылья. Что они смогут дать друг другу? Что они выберут?

Он нашел ее на берегу ранним утром. Она лежала без сил на мелком желтом песке, к которому аккуратно подкрадывались соленые волны. Человек присел рядом, зарыв босые ступни в еще прохладный песок.

«Снова смерть...» – спокойно подумал он, решив, что она умерла.

Но тут вздрогнуло тонкое веко, открыв круглый черный глаз. Человек ухмыльнулся одним уголком губ:

– Что, еще поборешься, да? – спросил он и потянулся к ней.

Черный глаз остановился на человеке, и клюв широко открылся в беззвучном хриплом крике. Дрожь пробежала по хрупкому телу. Рука приблизилась к блестящим темным перьям, и раздался пронзительный вопль. Здоровое крыло отчаянно застучало по песку. Раненая, она пыталась убежать, спастись. Примятый песок под ней был окрашен в красное.

– Глупая, я хочу помочь.

Она упорно продвигалась вперед, оставляя за собой алые шарики песка. Человек нагнулся и попытался взять ее на руки. Пляж вздрогнул от громкого крика. Легкое темное тельце трепыхалось в его руках, блестя безумными испуганными глазами. Острый клюв метался из стороны в сторону, оставляя глубокие раны на плечах и на руках.

– Тише... тише... – шептал он. – Оставь хоть каплю жизни в своем сердце.

Птица вздрогнула в последний раз и затихла. Человек вздохнул и понес ее в дом.

Красная вода с песком стекала в таз. Аккуратными движениями, губкой, он смывал ее боль. Ран было несколько, самая страшная, на левом крыле, выглядело плохо, действительно плохо. Ее сердце билось так слабо, так тихо.

Мужчина смазал раны мазью на травах, попытался, разжав клюв, влить немного отвара ей в рот, вроде попало. Потом перевязал ее полосами чистой разорванной ткани и положил на одеяло перед очагом.

– Воля твоя, – тихо сказал человек и отвернулся.

Его раны на руках тоже кровоточили. Он спокойно промыл и перевязал их, подумав, что наверно останутся шрамы – она билась отчаянно. Но это не слишком его беспокоило.

День проходил незаметно, в делах. Солнце постепенно раскалялось, превращая желтый песок в обжигающую ловушку. Спасал только легкий ветер, дувший с моря и приносящий солоноватый запах водорослей.

Он долго работал в мастерской. Высушенное дерево было таким приятным и знакомым для рук. Стамеска быстро летала над корягой, превращая ее в застывшую перед яростным прыжком гладкую пантеру. Светлые стружки засыпали пол. Все вокруг пахло морем, даже солнечный свет, проникавший через небольшое окно. Но он уже давно научился не

замечать этот запах, так же как и шум набегающих волн за стеной.

Правда от работы отвлекали мысли о ней, выберет ли она жизнь? Кто знает? Легкая улыбка непривычно коснулась губ – как давно он не думал о ком-нибудь. Окружающий мир, заботы и тревоги, все было так далеко.

В спине что-то хрустнуло, когда он распрямился. Море за окном уже окрасилось в розовое, сливаясь с закатным небом. Работа была доделана и больше эта фигура его не волновала. Значит, завтра можно идти на поиски нового материала. Скоро придет корабль.

Человек подошел к окну, растирая уставшие руки. Повязки высохли, неприятно пристав к коже. Надо поменять. И ей тоже.

Укрыв мешковиной пантеру из белого блестящего ценного дерева, которого было много на этом острове, он вышел из мастерской. Остановился на мгновение перед бесконечным небом-морем, прислушался к себе... тишина. Так и должно быть.

Она лежала там, где он ее и оставил. Грудь осторожно вздымалась в такт дыханию, тихо, но уверенно. Тонкие руки были подложены под белую щеку, пересеченную тенью от ресниц. Черные блестящие волосы растеклись по плечам и по спине.

Он снова улыбнулся одним уголком губ и укрыл ее покры-

валом.

Новые бинты придется отложить до завтра, но теперь нет нужды волноваться, она пошла на поправку. Лин'еры сильное племя. Люди-птицы, свободные и независимые.

Интересно, как она сюда попала? Где поранилась? Впрочем, это все неважно. Для него не важно.

На следующее утро, впервые за долгое время, мужчина готовил завтрак на двоих. Остатки вчерашней вареной картошки, поджаренные с омлетом. За продуктами он плывал на соседний остров, к одному и тому же торговцу, не задававший лишних вопросов. Под домом был небольшой погреб, сохранявший купленные продукты некоторое время.

Омлет уже начал покрываться румяной корочкой, когда за спиной послышался неясный шум.

– А, проснулась, – негромко сказал он оборачиваясь.

С белого длинного личика на него смотрели знаменитые янтарные глаза лин'еров. Словно две старинные медные монеты. Но бледное лицо было искажено таким безумным страхом, что человеку стало немного не по себе.

Девушка была совсем худенькая, хрупкая и было удивительно, с каким отчаянием она сжимала несчастное покрывало, поднятое до самой шеи. Дрожь от рук передавалась всему полотну.

Человек взял деревянную миску и положил туда часть омлета из сковородки. Достал чистую ложку, тоже вырезанную

из дерева, и направился к испуганной гостье. Девушка, все это время неотрывно следившая за всеми его действиями, вздрогнула, и начала отползать назад, пока не уперлась в решетку камина. Там она испуганно замерла, дрожа всем телом.

Человек присел в метре от нее, поставил миску и кружку с водой на пол и тихонько подтолкнул их вперед по гладкому полу:

– Ешь.

Янтарные глаза на миг остановились на тарелке, и секунду спустя она уже летела вместе с разлетающейся картошкой по направлению к стене. А хрупкая фигурка сжалась в комок, прикрыв голову тонкими руками в ожидании удара.

Человек устало опустил глаза и немного погодя поднялся:

– Ладно, давай тогда поменяем бинты.

Лин'ера осторожно подняла спрятанное лицо и настороженно проводила человека глазами. Он достал новые повязки, взял баночку с мазью и вернулся к камину:

– Тебе станет легче.

Девушка никак не отреагировала, а все так же продолжала сидеть, сжавшись в комок, глядя на него широко открытыми глазами. Но стоило мужчине только наклониться, как она встрепенулась, начав отбиваться руками и ногами.

– Ты! – человек отшатнулся. – Да что ты!

– Ох... – вздохнул он несколько секунд спустя. – Я не хотел этого делать, но...

Отставив в сторону мазь и ткань, он неожиданно быстрым движением схватил ее за руку и сжал в том месте, где была рана. Рот лин'еры открылся в болезненном крике. Но звука не было. Люди-птицы не могли говорить в человеческом обличье. Никогда не умели.

Человек разжал ладонь и перехватил ее руку около тонкого запястья.

– Прости, я не знал, как иначе прекратить твою истерику. Девушка перестала вырываться и только быстро и взволновано дышала.

– Я хочу тебе помочь, – продолжал говорить он успокаивающее. – Я знаю, что ты меня понимаешь, поэтому посиди спокойно.

Не отпуская ее руку, мужчина быстро и аккуратно снял старые бинты. Лин'ера настолько была испуганна, что закрывала глаза, не имея сил смотреть на человека так близко. Было видно, как стучат ее зубы.

Он молча смазал раны заживляющей мазью и сделал новые повязки.

– Все, – тихо сказал он через некоторое время и встал. Девушка продолжала сидеть не шевелясь. Он взял новую миску и снова положил ей еды.

– Вот, я оставляю ее здесь, – поставил он миску на стул недалеко от нее. – Тебе надо поесть.

Девушка открыла глаза и вжалась в стену, стараясь отодвинуться от него как можно дальше. Он помолчал несколь-

ко минут, а потом вновь повернулся к ней:

– Ты ведь не меня боишься, да? Ты боишься Человека вообще.

Она смотрела на него огромными, полными янтарного ужаса глазами.

Он отвернулся и пошел к двери:

– Господи, что же они с тобой делали...

Одев широкополую соломенную шляпу, без которой было бы невозможно находиться под палящим солнцем, мужчина отправился на берег. Там можно было найти выброшенные морем и хорошо просушенные солнцем куски длинных бурых водорослей. Даже после высыхания они оставались достаточно мягкими, для того, чтобы сделать их матрас или набить подушку. Правда, они сильно уминались, поэтому пришлось натаскать большую кучу.

Отыскав в доме припрятанный рулон крепкой ткани, он принялся за работу. Крупными стежками, большой иглой он сшил мешок для будущего матраса. С усмешкой подумал о том, что сколь многим ему приходилось заниматься в этой жизни.

Когда он закончил с подушкой, уже наступил обед. Солнце палило в полную силу, а значит, на поиски дерева уже не пойдешь. Ну и ладно.

Несколько раз сжал подушку, убедился, что получилось достаточно мягко. Пахнет морем, но здесь все имеет такой

запах.

В доме было немного прохладнее, но тонкие стены не очень спасали от жары. Лин'ера сидела в углу, завернувшись в покрывало. На щеках играл нездоровый румянец. Похоже, у нее была повышенная температура. Миска с едой осталась не тронутой.

Человек вздохнул и положил матрас с подушкой рядом с ней. Девушка сразу напряглась, готовая защищаться.

Мужчина поднял миску и спокойно сказал:

– Смерть от голода довольно мучительна, ты могла бы выбрать способ проще.

Она немного изменилась в лице.

– Мне ничего от тебя не надо и уговаривать жить я тебя не собираюсь, – человек набирал воду в чайник. – Сейчас я сделаю тебе травяной отвар. Смотри, ты знаешь все эти травы, должна знать. Захочешь, выпьешь, и тебе станет легче, если не захочешь – то я больше пытаться не буду.

Она следила за ним глазами, все так же настороженно, но уже без безумного утреннего страха.

– Держи, – поставил он кружку и шагнул назад. – Надеюсь, мы поняли друг друга. И еще, не сиди на полу, тебе надо отдыхать.

«Я все-таки ее уговаривал...» – подумал он по дороге и чертыхнулся. Зачем он это делает? В конце концов, ее жизнь

его никак не касается. Ладно, доживем до вечера и посмотрим тогда, что делать.

Она выпила отвар и немного поела. Это заставило его улыбнуться. Сейчас, спящая, она казалась еще более хрупкой и беззащитной. Черные длинные волосы были раскиданы по всей кровати.

«Все-таки легла на матрас, но подушку отбросила... упрямый ребенок...»

Он в последний раз посмотрел на свернутую калачиком девушку и вернулся к своим делам. Надо было убрать только принесенную из ручья пресную воду в прохладное место, защищенное от солнца. Драгоценную воду, позволяющую жить на этом острове.

Поздно вечером, он как обычно, вышел на террасу и сел в собственноручно сделанное кресло-качалку. Знакомые звуки обступили его. Мужчина закрыл глаза. «Спокойствие... тело расслабляется... оно больше ничего не весит...» Остается лишь скрип дерева, шум моря, проникающий в самое сердце и журчащие потоки ветра.

Но было еще что-то, непривычное, щекочущее позвоночник и не позволяющее сознанию как обычно раствориться в легком соленом бризе. Что это? Брови нахмурились в поисках ответа.

Возможно, возможно ли, это ее дыхание?

На следующее утро нездорового румянца не было. Золотые глаза сверкали совсем по-новому. Но она боялась, все равно боялась.

Человек налил в большой таз чистой воды и поставил рядом с ней.

– Тебе наверно давно хочется умыться. Я сейчас достану полотенце.

Он полез в шкаф, продолжая говорить:

– Надо что-то придумать тебе с одеждой, кажется, у меня было... – он замолчал. – Да, я так и не смог... не смог избавиться от него.

Девушка недоверчиво следила за ним из своего угла, как мужчина подошел к небольшому сундуку и с очень странным выражением лица достал из него сверток из тонкой пожелтевшей бумаги.

– Никогда бы не подумал, что я когда-нибудь снова дотронусь до него. Ну ладно... – криво ухмыльнулся он. – Посмотрим, что скажет мое сердце.

Зашуршала бумага и в его руках оказалась что-то, буквально режущее глаза своим невероятно синим цветом. Человек судорожно вздохнул и встряхнул небесно-синюю ткань. Легкий женский сарафанчик взметнулся колоколом и расплескал свой глубокий цвет по всей комнате.

Он на секунду прикрыл глаза, а потом хмуро повесил сарафан на спинку стула:

– Можешь, можешь одеть его.

Рука, почему то, никак не отрывалась от ткани. Материал так знакомо охлаждал ладонь.

– Вот и все. Это было не трудно, – решительно развернулся человек и достаточно взволнованно вышел из дома, чтобы можно было засомневаться в его последних словах.

Немного спустя, тонкая белая рука осторожно потянулась к невероятной синеве.

Все-таки, не стоило ворошить воспоминания, которые, как он наивно предполагал, были давно и глубоко зарыты в его сознание. Слишком много... и слишком больно. Ну что ж, сам виноват, зачем сохранил этот чертов сарафан, принадлежавший когда-то той, о которой он больше не должен помнить.

Все. Хватит. Лучше взяться за работу.

Человек прошел в мастерскую и сел перед корягой. Сердце все еще билось часто-часто. Прикрыв глаза, он пытался нащупать внутри знакомую тишину. Постепенно, пульс начал успокаиваться.

Он открыл глаза и положил руки на кусок дерева, лежащий перед ним на подставке.

«Хм... и что же из тебя получится, кем ты хочешь стать...»

Несмотря на раздумья, в голове был только образ птицы. Как он не пытался представить что-то еще, птица все равно возвращалась к нему.

«А почему бы и нет...»

Ладонь нащупала стамеску и полетела вслед за легким образом.

Неожиданно, посреди работы, в сознание начали проникать посторонние звуки. Они были совсем тихими, но незнакомыми, поэтому уши реагировали на них. Человек очнулся и прислушался, насторожась. Шаги? О, Господи, шаги.

Мужчина не смог сдержать смешок – всего лишь обычные шаги! Просто, он так давно их не слышал.

Руки вновь вернулись к работе. Около окна мелькнула тень, но человек сделал вид, что ничего не заметил. Спиной ощущался ее взгляд. Не отрываясь от коряги, он скосил глаза немного к окну. Там светились два золотистых глаза, осторожно заглядывающие в окошко снизу. Смешная черная макушка передвинулась, стараясь лучше рассмотреть мастерскую.

Он рассмеялся ее любопытству, не поворачиваясь к окну, и тут же раздался шорох и не громкие убегающие шаги.

«Хорошо, что она вышла из дома...»

Почему такое теплое чувство внутри?

Постепенно из дерева начала вырываться распахивающая в полете крылья птица. Казалось, что ее выдернули из воздушного потока и замуровали в это дерево в тот самый миг, когда она неслась навстречу ветру, напрягая крылья и каждым пером ощущая движения ветра. Совсем как живая.

Человек отодвинулся от рабочего стола. На сегодня достаточно, он хорошо поработал. Разогнув уставшую спину, подошел к двери и распахнул ее. Яркий солнечный свет ослепил его. Он охнул и прикрыл глаза рукой. И вдруг, впереди, в жарком мареве, показался тонкий женский силуэт в голубом. Сердце остановилось.

– А... Алисия... – тихо шепнули непослушные губы забытое имя.

На мгновение его глаза испуганно расширились, но потом, привыкнув к свету, разглядели, что это не она, конечно, это не могла быть она.

«Глупец, спустя столько лет, ты все еще видишь ее, помнишь ее...»

Он горько усмехнулся и снова поднял необычно усталые глаза. «Привыкай, теперь ты будешь видеть ее каждый день... да еще это платье...»

Впереди, на берегу, на фоне моря стояла девушка. Сарафан голубыми волнами обвивал стройные ноги. Темные волосы то взлетали, то опадали вместе с ветром, играющим с блестящими прядями. Такая нежная, такая легкая, рядом.

Человек отвернулся и пошел прочь от берега.

– Ненадолго.

Как он ни старался не думать о ней, ничего не получалось. Не о той, далекой, а о лин'ере. О такой беззащитной и смешной. Почему то все, что она делала, вызывало у него улыбку.

Вчера он видел, как лин'ера играла с морскими волнами. Видимо она редко до этого бывала в человеческом обличье, поэтому многое для нее теперь было необычным и вызывало чистую незамутненную реакцию. Она улыбалась, когда убежала от набегающих на берег волн. Сначала от волны, а потом вслед за ней, к морю. Босые ножки оставляли легкие следы на песке. Каждый раз, когда волна догоняла ее, на лице девушки появлялась робкая нежная улыбка.

Он не мог, уже давно разучился так улыбаться. Светло и чисто.

Неожиданно девушка обернулась и заметила, что за ней наблюдают. Фигурка сразу поникла. На лицо вернулось испуганное и немного растерянное выражение.

Мужчина вздрогнул и отвернулся. Сколько же в ней страха.

Но после того случая, ее страх и настороженность стали постепенно уходить. После той ночи, когда он проснулся и заметил, что ее нет в доме. На берегу девушки тоже не было. Мужчина прошелся по пляжу в надежде найти следы, но ничего не обнаружил. А потом, по дороге домой, решил заглянуть в мастерскую и нашел ее там. Она сидела на полу, закрыв лицо руками. Под волной волос были видны вздрагивающие в плаче острые плечики.

– Что ты... – непонимающее начал он, но потом заметил, что она сидит перед его почти готовой скульптурой. Перед летящей птицей.

Человек помрачнел, как он мог быть таким бессердечным и не подумать о ее чувствах. Как он мог так ранить ее!

– Прости, прости меня. Я... я выкину ее... это... это просто деревяшка, не плач, я уничтожу!

Мужчина оглянулся в поисках топора и приблизился с ним к скульптуре. Лин'ера подняла заплаканные глаза и неожиданно схватила его за руку. В сверкающих глазах была мольба.

– Что? Ты не хочешь? Она тебе нравится?

Девушка убрала руку и коротко кивнула.

– Но... тебе ведь больно смотреть на нее...я... я знаю, что ты не можешь подняться в небо и ...

Услышав последние слова, у лин'еры задрожала нижняя губа, а из глаз покатались крупные слезы. Девушка протянула ладонь, кажущуюся такой удивительно белой в темноте и коснулась деревянных перьев. Осторожно провела по крылу.

– Не надо, пожалуйста, все будет хорошо... – он присел рядом.

У него не было сил смотреть на то, как она отчаянно плачет. Если бы он только мог помочь.

– Ты сможешь летать, правда. Пройдет время, раны заживут...

Рука сама собой погладила ее по голове, по гладким волосам. Она не отстранилась.

– ... ветер будет шуметь, как раньше, купать в своих волнах. Ты будешь свободна, абсолютно свободна.

– Свободна... – еще раз еле слышно повторил он и грустно улыбнулся. – А до этого времени, можешь пожить у меня. Только мне надо тебя как-то называть...

Человек задумался:

– Может, «Янтарь», как твои глаза. Нет, слишком грубо.

Девушка перестала плакать и удивленно смотрела на гадающего мужчину.

– Хм... лин'ера... лин'ера. Как насчет «Лиин»? Одновременно звонко, нежно и протяжно, почти как ты...

– Ну, что думаешь? – улыбнулся он.

Лин'ера задумалась, но потом кивнула. И кажется, мелькнула улыбка.

– Хорошо, Лиин, – мужчина поднялся. – Пойдем тогда отсюда.

Скрипнула дверь в темноте, и чуть слышно проскрипели шаги по песку двух людей, таких непохожих друг на друга.

Одна маленькая лин'ера была наречена сильным и звонким именем, а имя, как известно, влияет на судьбу, не правда ли?

«Наверно, в этом и заключалась моя ошибка, в том, что я дал ей имя, ведь с тех пор она перестала быть для меня просто лин'ерой, а стала Лиин... Лиин... словно свежий ветер, пробуждающий забытые чувства, забытые мысли.

Ее существование перевернуло весь мой спокойный мир, который я выстроил вокруг себя. Мир, в который я ушел после того, как все выгорело в душе. Моя жизнь, сколько в ней

всего было, и счастье, и горе, желание успеха, слава, устремления, и любовь и дружба, разочарования и предательства. Все то, что когда-то переполняло меня, то, что иссушило меня, оставив пустоту.

А потом появилась она...»

Постепенно Лиин стала привыкать к человеку, хотя и продолжала держаться на расстоянии. Расстояние было ею четко отмерено – примерно два метра. И когда он куда-нибудь выходил, то она шагала за ним хвостиком, но не ближе чем в двух метрах. Стоило мужчине остановиться, Лиин останавливалась тоже, он начинал двигаться – она следовала за ним. Две фигуры на берегу, он загорелый в соломенной шляпе, и она, хрупкая в голубом сарафане, робко шагающая вперед.

Она стала заходить к нему в мастерскую, смотреть, как он работает над птицей. В эти минуты ее взгляд становился нетерпеливым, казалось, что она впитывает каждую новую деталь, каждый штрих. Как будто, от этой птицы зависела ее судьба. Возможно, она верила, что они связаны.

Из того же дерева он сделал ей гребень для волос. Понимая, что она не взяла бы его из рук, человек оставил гребень около ее кровати. А потом, днем, она расчесывала им свои волосы. Длинные, блестящие, завораживающие. Было что-то мистическое в ее фигуре на берегу с черными развивающимися волосами, в том, как они взлетали крылом и контрастировали с ярким голубым сарафаном.

Примерно в это время на подоконнике стали появляться

разные вещицы. Иногда это была красивая перламутровая ракушка, или золотистый камень с искорками внутри, или зеленоватое перо попугая. Каждое утро девушка робко следила за тем, как человек аккуратно берет их в руки и слегка улыбаясь, говорит:

– Спасибо, Лиин.

А потом кладет их на полку рядом с камином.

Она, наконец, поверила его улыбке, которая редко появлялась на его лице и поэтому была действительно честной.

Теперь, вечерами, он не был на террасе один, Лиин приходила и тихонько садилась рядом. Вдвоем они слушали вечерние крики чаек и шум моря. А их молчание не было рожденным страхом или болью, оно было тихим и гармоничным как природа вокруг. Одним из таких вечеров, Лиин, долго и задумчиво смотревшая на человека украдкой, вдруг встала и пересела к нему поближе. Осторожно протянула ладонь и слегка касаясь дотронулась до его шрамов на руке.

Мужчина усмехнулся:

– Да, твои отметины.

Лицо девушки опечалилось. Широко открытые, словно медовые глаза с безграничной грустью заглянули на него снизу вверх.

– Лиин, я не сержусь. Я знаю, что ты никогда не причинила бы никому боль.

От его тепла в голосе грусть растаяла сама собой. Лин'ера радостно улыбнулась и забыла отсесть обратно, на свои чет-

ко отмеренные два метра. Или больше не было в них необходимости.

А затем настал тот день, когда все переменялось. И почему-то, именно в тот день он закончил вырезать свою птицу. Она получилась очень сильной и живой, и наверно, он не сможет отдать ее на продажу. Слишком много всего было заложено в ней.

Мешковина легко опустилась на готовую работу и в этот момент в мастерскую вбежала Лиин. Ее глаза светились от счастья как два фонарика.

Мужчина удивленно повернулся:

– Лиин?

Девушка буквально подпрыгивала на месте, казалось, что-то рвется из нее наружу. Она подбежала к человеку, а потом к двери и замахала руками.

– Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой?

Она кивнула и легко выскользнула за дверь. Человек улыбнулся, наверно, нашла что-то интересное на берегу. Он вышел следом.

Тонкий силуэт в голубом мелькал впереди. Неожиданно, на ходу, Лиин раскинула широко руки, и на желтый песок упал пустой сарафан, а сама девушка темной птицей взметнулась в небо.

– Лиин...

Мужчина прикрыл глаза от солнца, следя за ее торжествующим полетом. Расплывшаяся было по его лицу улыбка на-

чала меркнуть и погасла. Руки безвольно повисли вдоль тела. Он ведь знал, знал, что так все и будет. Так все и должно быть. Тогда почему...

Развернувшись, он пошел в дом. Спустя некоторое время она тоже вернулась. Радостная, легкая. Он не повернулся к ней, лишь глухо сказал:

– Я... я рад за тебя, правда, у тебя все будет хорошо.

Девушка удивленно подбежала к нему и заглянула в лицо. В золотых глазах плескалась тревога.

Он собрался и мягко улыбнулся ей:

– Теперь ты можешь вернуться домой, к своему племени, они ведь ждут тебя, правда?

Лиин смутилась и коротко кивнула, она не умела врать.

– Вот и хорошо, – к человеку вернулось его самообладание. – Тогда ты можешь отправляться...

«Сейчас я причину боль нам обоим...»

– ... отправляться прямо сегодня, прямо сейчас... Тебе наверно надоел этот унылый остров.

Она не отрицала, она ничего не делала, лишь стояла перед ним, опустив плечи и не поднимая глаз.

Он отвернулся, чтобы не видеть намечающихся слез.

– Все, Лиин, тебе пора, – спокойно сказал он.

Девушка зло сверкнула глазами и, сжав кулаки, выскочила из дома. Мужчина вздохнул и опустился на стул – больше не надо было притворяться. Кажется, она поверила, что ему все равно. Так будет легче, наверно.

Потом он поднялся и закрыл дверь на замок. Захлопнул, все что было, все, что могло быть, запечатал, навсегда. Он не успел отойти от двери, как ее дернули с другой стороны. Один раз, потом другой.

– Лиин?

Она два раза быстро постучала в ответ.

– Лиин... – еле слышно прошептал он и, закрыв глаза, устало прислонился к двери.

Она постучала еще, настойчивее.

– Уходи. Я ничего не могу тебе дать, ничего не могу предложить, понимаешь...

Она не желала понимать, не желала мириться с его слабостью, с той пустотой, которая стала его выбором.

Дверь начала сотрясаться от яростных ударов. Она била со всех сил. Мужчина удивленно отпрянул, но потом снова помрачнел:

– Не надо, Лиин... пожалуйста...

Она не слушала, она боролась, и это разрывало его сердце. Он сел на пол и прислонился спиной к двери. Каждый удар отзывался болью по всему позвоночнику, отзывался в душе. Он сидел, закрыв руками лицо, по которому струились слезы и ждал.

Наконец удары прекратились. Раздался приглушенный звук – она упала на колени и заплакала. По ту сторону двери. Лишь кусок дерева разделял две измученные фигуры.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты должна быть счаст-

лива, – прошептал он.

Слова давались так трудно.

– Поэтому... поэтому уходи.

Она поднялась и ушла.

А он с ужасом подумал о том, что потом ему придется идти на пляж и забирать с желтого песка невероятно голубое платье.

* * *

Кресло-качалка не громко поскрипывала на террасе. Старые доски видели так много, помнили так много. Море шумело вдали, сливаясь как обычно с безграничным небом. Одни лишь чайки темными пятнами разбавляли его синеву. Тишина и покой царили в воздухе.

– Лиин, нам надо придумать, как ты будешь ко мне обращаться, если захочешь позвать.

Янтарные глаза удивленно посмотрели на мужчину.

– Это может быть какой-нибудь звук или... хм... может звон колокольчика?

Теплая улыбка:

– Только тогда я буду похож на барана, а ты на мою пастушку.

Она улыбнулась в ответ, но отрицательно покачала головой.

– Не нравится? – брови взлетели вверх. – Тогда, что ты

предлагаешь?

Девушка ненадолго задумалась, а потом быстро постучала два раза по доске рядом с собой.

– Ты так меня воспринимаешь? Два быстрых стука? – снова улыбка. – Хорошо, как скажешь.

Тук-тук...

– Да, Лиин...

В оформлении обложки использована фотография автора Julia_photo367 «8758554» с <https://pixabay.com/ru>